

Птицы в сказках о животных ойратов Синьцзяна

Баира Басанговна Горяева¹, Юлан²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

² Институт национальных литератур Китая (5, Цзяньго мэнь нань дацзе,
100732 Пекин, Китай)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Горяева Б. Б., Юлан, 2020

Аннотация. Птицы в сказочной традиции разных народов являются неизменными персонажами животного эпоса. В сказках ойратов Синьцзяна и калмыков России наряду с другими животными также широко представлены образы птиц. Как известно, обман в самых разных видах и формах является основным композиционным стержнем животной сказки. Каждый персонаж сказки способен на обман. Этот прием является единственным и своеобразным способом защиты более слабого персонажа от физически превосходящего его противника. В сказках о животных птицы зачастую превосходят зверей своей смекалкой и мудростью. Птицы защищают себя разными способами, но чаще всего используют приемы, усыпляющие бдительность противника. Анализ содержания синьцзянских сказок о животных свидетельствует о том, что в них широко представлены сюжеты о птицах, превосходящих своей мудростью и смекалкой более сильных зверей. Сюжеты о животных зачастую имеют этиологическое содержание, объясняя особенности поведения, внешние отличительные признаки той или иной птицы.

Ключевые слова: сказочный фольклор, ойраты Синьцзяна, сказки о животных, персонажи, птицы

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Горяева Б. Б., Юлан. Птицы в сказках о животных ойратов Синьцзяна // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 221–232. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-221-232

UDC 398.21:59

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-221-232

Birds in Animal Tales of the Oirats of Xinjiang

*Baira B. Goryaeva*¹, *Yu Lan*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher

E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People's Republic of China)

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher

© KalmSC RAS, 2020

© Goryaeva B. B., Yu Lan 2020

Abstract. Birds in fairytale traditions of different nations are indispensable characters of animal epos. In the fairytales of Oirats of Xinjiang and Kalmyks of Russia there is a wide representation of birds along with other animals. It is commonly known that a lie in all its varieties and forms is one of the essential compositional stems of the animal fairytale. Every character in

a fairytale is capable of lying. It is the only and specific way of protection of weaker character from its physically stronger opponent. In the fairy tales about animals birds often surpass animals in wit and wisdom. Birds protect themselves in different ways, but predominantly use methods that put their opponents off guard. The analysis of the Xinjiang fairy tales about animals shows that storylines about birds that surpass much stronger animals by their wit and wisdom are widely presented there. Stories about animals often have etiological meaning explaining the specific behavior patterns and external distinctive features of the birds.

Keywords: fairy tale folklore, Oirats of Xinjiang, fairytales about animals, characters, birds

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China under the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Goryaeva B. B., Yu Lan. Birds in Animal Tales of the Oirats of Xinjiang. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 221–232. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-221-232

Ойраты, проживающие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (далее — СУАР КНР), и калмыки России являются потомками некогда единого этноса, который волею исторических судеб оказался разделенным границами двух соседствующих стран. Однако, несмотря на то, что на протяжении последних четырехсот лет им пришлось жить в разных концах евразийского континента, в отличных социокультурных условиях, они продолжают сохранять общий язык и культуру, устную и письменную традицию, вероисповедание.

Благодаря устойчивым добрососедским отношениям, сложившимся между Китаем и Россией в последние три десятилетия, появилась возможность сравнительного исследования языка, культуры, фольклора ойратов и калмыков. Необходимо признать,

что фольклорное наследие ойратов Китая все еще остается малоизвестным для российских фольклористов. Главный вывод, к которому пришли отечественные исследователи после первых научных экспедиций в Синьцзян, заключается в признании того, что в среде ойратов еще бытует живая сказительская традиция. Ойраты сохранили не только героический эпос классического типа, но и эпос архаической формы, огромный пласт сказок. Этим обусловлена актуальность исследования фольклора ойратов Китая на современном этапе.

В силу сложившихся исторических обстоятельств устное творчество ойратов Китая долгое время находилось вне исследовательского поля российской фольклористики. Лишь в середине XX в. известному отечественному лингвисту-монголоведу Б. Х. Тодаевой удалось собрать разнообразный лингвистический и фольклорный материал [Очирова 2010]. Некоторые материалы, переложенные ею с «ясного письма» и подготовленные к изданию, были опубликованы Калмыцким научным центром РАН — тексты песен ойратской версии эпоса «Джангар» (2008 г.) [Джангар 2008] и эпоса «Гесер» (2014 г.) [Ойратский «Гесер» 2014], пословицы и поговорки, образцы детского фольклора (2010 г.) [Детский фольклор ойратов 2010].

Основоположник научной школы сравнительного исследования эпоса «Джангар», профессор А. Ш. Кичиков одним из первых в своей монографии провел сравнительно-сопоставительный анализ ойратской и калмыцкой версий [Кичиков 1997]. Среди других работ следует указать на сравнительный анализ сюжетных тем двух эпических традиций «Джангара» [Селеева 2013], сравнительный анализ мифов и преданий ойратов и калмыков [Осорин 2015]. В 2014 г. в Элисте был издан текст сказки «Тиржэ торхан жулжһн, Сержэ богшрһин тууж», который исполнял известный синьцзянский джангарчи Джуна [Тайва 2014]. Этим, собственно, и исчерпываются все работы, посвященные фольклору ойратов Синьцзяна.

В 1980-е гг. китайскими монголоведами был начат сбор и публикация образцов фольклора ойратов СУАР КНР. Огромный ма-

териал по сказкам введен в научный оборот за два последних десятилетия фольклористами-монголоведами Китая — более пятидесяти сборников сказок [Damrindjab 2017]. Основная масса книг издана на монгольской графике и лишь небольшая часть — на «ясном письме». При переложении ойратского текста на монгольскую графику в силу различий между монгольским и ойратским языками зачастую наблюдается замена устойчивых ойратских выражений смысловыми монгольскими. Это обстоятельство представляет определенную текстологическую проблему для исследователей.

В опубликованных сборниках сказок, а также на страницах периодических изданий на «ясном письме» нашли свое место и сказки о животных [Betege сауān боқšирүо 1981; Šinjiyang-giyin aman üliger 2006; Xān Tengger 1981–1998]. Уникальные фольклорные материалы были опубликованы в периодическом издании «Хан Тенгр» (1981–1993 г.), издававшемся в г. Урумчи Народным издательством Синьцзяна (Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin хорō). На страницах 51 выпуска представлены не только образцы устной, но и письменной литературы ойратов [Меняев 2016]. Тексты сказок о животных, опубликованные в «Хан Тенгри», послужили материалом для изучения в данной статье образа птиц в сказках ойратов Синьцзяна.

Наряду с домашними и дикими животными, в сказках ойратов Синьцзяна широко представлены образы птиц. Птицы в традициях разных народов являются неперенным элементом религиозно-мифологической системы и ритуала, их наделяют разнообразными функциями. Исследователи отмечают, что животный эпос появился на доклассовой стадии развития общества. «Сказки о животных создавались на такой стадии развития человеческой культуры, когда лесные животные были объектом примитивных форм хозяйствования, т. е. охоты, а также объектом мыслительной и художественной деятельности, прирученных же животных или вообще не было, или они не играли существенной роли» [Пропп 2000: 370].

В текстах пернатые могут быть божествами, тотемными предками, демиургами, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев и др. [Мифы 1988: 346]. В мифопоэтической тра-

диции калмыков птицы также являются представителями верхнего мира [Пюрбеев 2015: 14; 29]. В исследованиях по фольклору калмыков изучены орнитоморфные помощники героя калмыцкой волшебной сказки [Горяева 2017], образ мифологической птицы хан Гаруды [Надбитова 2011: 139], кукушки как персонажа сказочного фольклора народов Центральной Азии [Музраева 2014]. Образы ворона, журавля, ласточки в устной традиции калмыков рассмотрены в работах, посвященных калмыцким сказкам о животных [Басангова 2019].

По мнению исследователей, обман в самых разных видах и формах является основным композиционным стержнем животного эпоса, поэтому каждый персонаж такого текста способен на хитрость. Обычно этот прием является единственным способом защиты более слабого животного от физически превосходящего его. «Это заставляет предполагать, что сказка о животных создавалась тогда, когда обман не только не был предосудителен, но представлял собой одну из форм борьбы за существование» [Пропп 2000: 370].

В сказках о животных ойратов Синьцзяна птицы зачастую превосходят зверей своей смекалкой и мудростью. Птицы в сказках о животных защищают себя разными способами. Следует отметить, что чаще всего они используют приемы, усыпляющие бдительность противника: просят посчитать до восьми, перебросить жертву через голову и др.

В сказке «Красивый серый воробей» («Саарл сээхн богшурһа») лиса запугивает воробья и забирает яйца, которые высидивает птица. Мудрая перепелка учит воробья, как ответить лисе на ее угрозы. Когда лиса ловит перепелку, то она с помощью хитрости освобождается из ее пасти. Перед тем как быть съеденной, перепелка обращается к лисе со следующим советом:

— *Нээмн куртл то тоолад, номин тэрнэс кедүг умшад идхлэ, мини махн танд аршан болж, Манжушрин орнд мини сүмсм төрх биший?* ‘Если посчитаете до восьми, произнесете *тарни* (молитву) и потом съедите, то разве мясо мое не станет для вас *аршаном* (святым), а душа моя не возродится в стране Манджушри?’ Когда

лиса, разжав челюсти, произносит «восемь», перепелка вырывается из ее пасти [Xān Tengger 1981: 134–138; Šinjīyang-giyin aman üliger 2006: 528–530].

Схожий сюжет есть в калмыцкой сказочной традиции. В сказке «Баклан, лиса и суслик» («Баклыг, арат, зурмн хурвн») лиса угрозами забирает яйца баклана. Суслик подсказывает птице, как надо отвечать на угрозы лисы. Баклан сохраняет последнее яйцо, но забывает о наказе суслика, проговаривается и указывает лисе, в какую сторону он убежал. Лиса, поймав суслика, поддается на его уловку, начинает считать до десяти, суслик сбегает [Хальмг туульс 1961: 84–85].

В сказке «Хромая пестрая сорока» («Долһц алг шаазһа») птица, испугавшись угроз лисы, каждый раз отдает ей по одному яйцу. Охотник помогает сороке избавиться от лисы, поймав ее в капкан [Xān Tengger 1988, № 3: 60–61; Šinjīyang-giyin aman üliger 2006: 530].

В сказке «Почему у перепелки хвост короткий» («Бөднэ сүл яһад оһтр болсмб») сюжет построен на том, что лиса грозит съесть перепелку и выдвигает ей ряд условий. В финале мудрая птица спасается, но лишается части хвоста, потому сказка приобретает этиологическое содержание [Xān Tengger 1982: 158–162; Šinjīyang-giyin aman üliger 2006: 127–128].

Вариантом этой сказки является текст «Лиса и перепелка» («Бөднэ үнгн хойр»). Лиса обнаруживает птенцов перепелки. Ради спасения своих детей птица обещает досыта накормить лису и приводит к дому одной богатой семьи. Пока перепелка, отвлекая, уводит домочадцев, лиса досыта наедается в доме. В следующий раз лиса велит перепелке рассмешить ее. Перепелка прилетает к дому той же богатой семьи и садится на голову хозяину. Жена хозяина дома решает убить ее, ударив плетью, но вместо перепелки попадает в голову мужа. Разгневанный хозяин гонится за глупой супругой, а лиса вновь наедается вдоволь. В третий раз лиса требует, чтобы перепелка напугала ее. Та приводит ее к охотникам с собаками — лиса едва спасает свою жизнь. Пережив смертельную опасность, лиса решает съесть перепелку, но лишь отрывает ей

хвост. С тех пор у перепелки хвост короткий, а у лисы — длинный [Xān Tengger 1981, № 3: 179–182].

Сказка «Лис и журавль» («Үнгн тоһрун хойр») начинается с того, что журавлиная пара, прилетев к месту летовки, начинает вить гнездо. Лис помогает им соорудить гнездо. Соседи живут мирно, делятся едой. Журавль неоднократно спасает жизнь лиса, предупреждая его об охотниках. Лис же замышляет съесть птенцов благодетеля. Однажды, когда журавли улетели на поиски еды, лис схватил журавлят и потащил их домой, чтобы поживиться ими. Увидев это с высоты птичьего полета, журавлиная пара примчалась к норе лиса. Хитрец стал уверять, что он решил успокоить плачущих птенцов, оставленных родителями. После этого лис приглашает журавлиную семью к себе в гости, чтобы напоить их допьяна. Журавлиха, разгадав его намерение, стала кричать, что приближаются охотники с собаками. Лис в панике пускается наутек. Затем птицы приглашают соседа к себе в гости. Угощение они разложили в капканы, и лис оказался в ловушке. Так благодаря своей смекалке журавли одолели злонамеренного лиса [Xān Tengger 1985: 127–131; Šinĵiyang-giyin aman ūliger 2006: 535–536].

В сказках журавль наделяется умом, благородством, рассудительностью. В фольклорной традиции калмыков сохранились запреты, сказки, заговоры, песни и танцы, связанные с журавлем. Представления о журавле, сохранившиеся в народной традиции калмыков, сходны с представлениями других тюрко-монгольских народов [Басангова 2019: 47].

В сказке «Почему петух кричит утром, в обед и вечером» («Эр така юунд өрүн, үдлэ, асхн, сө дүүлн дуһардг болсмб») обоснована причина того, что петух кричит три раза в сутки. Одолжив на три дня свое красивое оперение павлину, петух был обманут им и теперь трижды в день зовет его, требуя вернуть свой наряд [Šinĵiyang-giyin aman ūliger 2006: 127–129]. Схожий сюжет присутствует и в калмыцкой сказочной традиции. Два павлина попросили у петухов оперение, чтобы сходить в гости, и не вернули его. Поэтому петухи кричат в полночь, на рассвете и в полдень, прося вернуть их красивое оперение [Хальмг туульс 2009: 411].

В сказке «Почему сова кричит по ночам» («Ууль шовун юунд сөөд дуһардг болсмб») объясняются повадки этой птицы. Скупая девушка, рассердившись на гостей, которые съели на ее свадьбе всю еду, ночью нагая убежала от мужа в лес и плакала так, что умерла от горя. Душа этой девушки превратилась в сову. Мальчишки стали дразнить птицу, кидать в нее камнями и загнали ее в дупло дерева. Поэтому она всю ночь плачет, а днем спит [Betege сауān боқširγо 1981: 72–75].

Помимо вышеуказанных птиц присутствует в сказках о животных ойратов Синьцзяна и образ мифической птицы хан Гаруды. В сказке «Лис-перерожденец и хан Гаруда» («Хүвлхэн үнгн болн хан Нэрд») лис с помощью хитрости делает своей ездовой птицей хан Гаруду [Betege сауān боқširγо 1981: 38–39; Šinjīyang-giyin aman üliger 2006: 542–543]. Этот сказочный сюжет близок к рассказу «Вишну и Гаруда», широко известному в рамках комментаторской тибето-монгольской литературы к буддийским дидактическим трактатам [Ёндон 2013: 124–125].

Буддийский мотив противостояния Гаруды и нагов отмечается и в калмыцкой устной традиции. Этот мотив обнаруживается в богатырских и волшебных сказках [Мирзаева 2015: 202]. Мифическая птица хан Гаруда помогает герою волшебной сказки калмыков, перемещая его из одного мира в другой [Горяева 2017].

Еще одна птица, которая оказывает помощь человеку, избавив его от смертельной угрозы, — ласточка. В устной традиции многих народов ласточка — вестница весны, носительница добра. Считается хорошей приметой, если ласточка совет гнездо под крышей. Это предвещало для хозяев этого дома богатство и достаток. Ласточка в культуре калмыков относится к числу священных птиц [Басангова 2019: 51].

В сказке «О пользе, которую принесла ласточка» («Харадан кесн тус»), записанной от современной сказительницы, исполнительницы протяжных песен Т. С. Тягиновой, ласточка вырвала язык у комара, летевшего по поручению змея. Комар престал говорить и не смог сказать, что самая сладкая кровь у человека [Тягинова 2011: 72].

В сказках ойратов Синьцзяна, как и в калмыцких, ласточка избавляет людей от погибели. Змей, разозлившись на птицу, которая лишила языка комара, схватил ее за хвост, отчего теперь у ласточки хвост раздвоенный. Капли крови комара потекли по клюву и попали на шею защитнице людей, окрасили ее в красный цвет [Betege saγān boqšigyo 1981: 94–98].

Таким образом, как показывает анализ содержания синьцзянских сказок о животных, в них широко представлены сюжеты о птицах, которые своей мудростью и смекалкой превосходят физически сильных существ. В сказках отражен также образ мифической птицы хан Гаруды. Сюжеты зачастую имеют этиологическое содержание, объясняя особенности поведения, внешние отличительные признаки той или иной птицы.

Литература

- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Горяева 2017 — *Горяева Б. Б.* Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 134–141.
- Детский фольклор ойратов 2010 — Детский фольклор ойратов Синьцзяня / сост. Н. Батбайра; пер. с ойрат. и перелож. на совр. калм. язык Б.Х. Тодаевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 124 с.
- Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 3. Элиста: АПП «Джангар», 2008. 460 с.
- Ёндон 2013 — *Ёндон Д.* Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. 2-е изд. Уланбаатар: АНМ ИЯЛ, 2013. 201 с.
- Кичиков 1997 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Меняев 2016 — *Меняев Б. В.* Художественно-поэтические особенности благопожеланий ойратов Синьцзяна (по материалам журнала «Хан Тенгри») [электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/05/68116> (дата обращения: 05.02.2020).

- Мирзаева 2015 — *Мирзаева С. В.* О некоторых буддийских чертах сказочного фольклора калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 196–204.
- Мифы 1988 — Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. К–Я. 719 с.
- Музраева 2014 — *Музраева Д. Н.* Кукушка как персонаж сказочного фольклора народов Центральной Азии: проблема взаимосвязи фольклорных жанров и литературных текстов // Новые исследования Тувы. 2014. № 2 (22). С. 80–94.
- Надбитова 2011 — *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2011. 260 с.
- Ойратский «Гесер» 2014 — Ойратский «Гесер». Героический эпос синьцзянских ойратов / на калм. яз.; перелож. с ойрат. яз. на совр. калм. письмо Б. Х. Тодаева, коммент. Б. Б. Манджиева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 210 с.
- Осорин 2015 — *Осорин У.* Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с.
- Очирова 2010 — *Очирова Н. Г.* Исследователь монгольских языков (к 95-летию известного востоковеда Б. Х. Тодаевой) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 105–106.
- Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КалмНЦ РАН, 2013. 275 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю. С. Расказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.
- Тайва 2014 — История воробья Сержя, птенца птахи Тиржя. Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод, комментарии Очиржавин Тайва. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2014. 224 с.
- Тягинова 2011 — Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. Барт белдснь Саңһжин Б., Саңһан Л. I боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 220 х.

- Хальмг туульс 2009 — Хальмг туульс / сост. В. Д. Бадмаева. Элиста: ГУ Издательский дом «Герел», 2009. 440 с.
- Betege саγān боқšīγо 1981 — Betege саγān боқšīγо. Šinjiyang-giyin mongγol arad-yin aman zokōl (Белозобый воробей. Фольклор монголов Синьцзяна). Urumči: Šinjiyang-giyin arad-yin keblel-yin хогō (Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 1981. 100 с.
- Damrindjab 2017 — Damrindjab Ba. Collection and Publication of Oirat Folk Tales of Xinjiang: a Brief Historical Review // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 6. С. 139–149.
- Šinjiyang-giyin mongγol aradiyin aman ūliger 2006 — Dumdadu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongγol aradiyin aman ūliger-yin emkidkel (Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР). Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin хогō (Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 2006. 866 с.
- Xān Tengger — Xān Tengger (Хан Тенгер). Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin хогō (Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 1981–1991 (№ 1–44), 1993 (№ 45–50), 1998 (№ 51).